

Староста

Заметив, что гнев Ши поутих, Су Лин решил закрепить успех. Он не стал скупиться на добрые слова и, прикинувшись паинькой, с обезоруживающей улыбкой произнёс:

— Ну как же это — вы не можете вмешиваться? В Уси староста — самый главный человек, на вас всё и держится. Только под вашим мудрым присмотром мы и можем рассчитывать на добрую жизнь.

Видя, как юноша пошёл на попятную, а его лицо вновь приняло прежнее, покладистое выражение, старик невольно смягчился. В уголках его глаз промелькнула тень усмешки.

— Ну и малый, — проворчал он. — Язык у тебя то с ядом, то с мёдом.

Однако не успела улыбка коснуться губ Ши, как он о чём-то вспомнил и тут же посерьёзnel.

— Ты у отца-то на могиле давно был?

Су Лин молча покачал головой.

Прошёл уже почти месяц с похорон, но он всё ещё не находил в себе сил прийти туда. В обычные дни он мог обманывать себя, представляя, будто Ши Синсянь просто уехал в дальние края за лекарственными травами и вот-вот вернётся. Но стоило лишь подумать о том, что родной человек лежит глубоко под холодной землёй, как слёзы сами собой наворачивались на глаза.

— Эх, ладно... Не плачь, не будем об этом, — вздохнул глава деревни, видя, как задрожали губы гээра. Он потянулся к трубке и снова затянулся. — Через пару дней люди из семьи Юань собираются в горы. Пусть твой... как его там? Ах да, Су И. Пусть Су И идёт с ними. Ознакомится с нашими лесами, узнает местные порядки.

Старик выпустил струю дыма и продолжил:

— Ему нужно показать, где стоят метки ловушек, где границы опасных мест, да и в целом с тропами познакомиться. На крупного зверя когда пойдём — будем в гон бить да в барабаны колотить, чтобы загодя всех предупредить и никто в капканы не угодил.

— И ещё, — добавил староста, — нужно будет в списке охотников расписаться. Налог на промысел Су И теперь на тебе числится.

Су Лин мгновенно проглотил слёзы. Услышав о расходах, он тут же насторожился:

— Что ещё за налог на охоту? Сколько платить?

— Триста вэнь, вместе с осенним сбором. Что, кошель прижал? — старик явно наслаждался моментом, наконец-то почувствовав своё превосходство. — Ты же у нас теперь богач, чего о налогах беспокоишься?

Юноша недовольно фыркнул:

— Деньги что, в реке Лунтань сами собой вылавливаются? Каждая монета счёта требует.

Собеседнику было нечего на это возразить, и он поспешил выпроводить гостя. Су Лин уже развернулся к выходу, но напоследок бросил через плечо:

— Прошу вас, староста, приструните деревенских болтунов. Пусть поменьше судачат о том, что я купил раба. Не ровён час, слухи дойдут до уездного города, и если там кто-то сочтёт это дурным знаком, худо будет всей нашей деревне.

Старик хмыкнул и едва снова не приложился трубкой о стол, но вовремя сдержался, пожалев своё сокровище. Гнев его окончательно остыл, сменившись ворчливым спокойствием.

— Хватит уже пугать меня своими «уездными». Неужто думаешь, что я на тебя управы не найду?

Гээр широко улыбнулся, сверкнув ровными белыми зубами.

— Староста, слухи — вещь докучливая, но я живу на горе, и до моих ушей они не долетят. Если бы мне было дело до чужих пересудов, я бы к вам за справедливостью ещё в первый день пришёл. Я лишь беспокоюсь, как бы кто из наших не вынес сор из избы, да не навлёт на вас неприятности перед начальством в городе.

Ши на мгновение задумался, а затем небрежно замахал на него рукой:

— Иди уже, иди, паршивец! Думаешь, я не вижу, что ты меня как палку-погонялку используешь?

Братец Лин, довольный тем, что добился своего, прищурился от смеха и вместе с Су И покинул двор. У самых ворот он всё же обернулся и, глядя на почтенную белую бороду главы деревни, участливо добавил:

— Староста, вы бы её поменьше теребили, а то совсем облысеет. Говорят, порошок Хэшоуу очень полезен для волос.

Рука старика замерла на полпути. Он застыл в нелепой позе, не зная, убрать руку или продолжить поглаживать бороду, и только сердито прикрикнул вслед:

— Много ты понимаешь! Молоко на губах не обсохло старших учить!

«Стар — что млад, — подумал Су Лин, — лишь бы последнее слово за ним осталось»

Когда юноша скрылся из виду, взгляд старосты стал жёстким и серьёзным.

— Если кто в деревне ещё раз посмеет распускать язык про Су Лина — значит, этот человек идёт против всей Уси, — твёрдо произнёс он.

Один из старейшин, сидевший рядом, негромко отозвался:

— А кто ещё это может быть? Только Юани. Всё перед уездными выслуживаются, надеются через пять лет своего человека на твоё место пропихнуть.

Деревня Уси исконно управлялась представителями двух кланов — Юань и Ши, которые сменяли друг друга. Не было сомнений, что отец Мяслика Юаня не упустит случая раздуть историю о гээре с рабом, обвинив Ши в слабости и потакании «разврату». На недавнем совете в городе другие старосты явно неспроста напали на главу Уси — наверняка отец Юаня приложил к этому руку.

Теперь, впрочем, старик уже не боялся этих нападков. Он даже немного жалел, что Су Лин не пришёл к нему раньше — с его-то доводами он бы заставил этих интриганов захлебнуться собственным ядом.

Ши вздохнул, и его мысли снова вернулись к главному — к налогам этого года.

Сами подати не выросли, но вот способ оплаты изменился. Раньше можно было отдавать часть урожаем, а часть деньгами, теперь же сверху пришёл приказ: принимать только серебро. Для простого люда это была непосильная задача.

У крестьян лишних денег сроду не водилось, оставалось только продавать зерно. Но в этом году

цены на продовольствие упали так низко, что не оставалось сомнений: власти намеренно сбивают цену, чтобы выкачать из народа побольше монет. Вместо того чтобы просто сдать зерно в счёт налога, люди вынуждены были пускаться в долгие и невыгодные сделки, оставаясь в итоге ни с чем.

На бумаге сумма налога не изменилась, но на деле, из-за обесценивания зерна, крестьянам приходилось отдавать гораздо больше продуктов, чтобы выручить нужное количество серебра. Это был скрытый, но беспощадный грабёж.

Один из старейшин, глубокий старик лет семидесяти, погрузился в воспоминания:

— Тридцать лет назад уже так делали... А вскоре после этого город Цинши начал войну с двором.

— Поднебесная принадлежит императору, — сухо отозвался староста. — Рано или поздно двор приберёт Цинши к рукам. В наших краях спокойствие долго не продлится.

— Большие дела нас не касаются, — вмешался другой старейшина. — Давайте лучше прикинем, сколько серебра мы сможем выжать из общинных земель, чтобы закрыть недоимки.

Глава деревни потёр виски.

— Скоро праздник Чжунъюань. Су Лин точно пойдёт на могилу отца.

Он замолчал, а затем добавил с тяжёлым вздохом:

— Зная его характер, боюсь, он там такого шуму наделает, что вся деревня содрогнётся.

Договорив, Ши снова невольно коснулся своей бороды. Его глаза расширились от досады — на ладони вновь остался выпавший белый волосок.

«Ну всё, пойду в горы, выкопаю Хэшоуу, разотру в порошок и буду мазать бороду!»

<http://bllate.org/book/15320/1354540>